МакМафия. Seriously организованная преступность

Автор:

[Миша Гленни](#)

МакМафия. Seriously организованная преступность

Миша Гленни

Эта книга легла в основу суперпопулярного сериала МакМафия. Для его экранизации BBC пригласила лучшего британского постановщика хоррора и ведущих российских актеров: Алексея Серебрякова, Марию Шукшину, Данилу Козловского. Подноготная миллиардных состояний, сколоченных криминальным интернационалом после распада Советского блока: рэкет, заказные убийства, объятия президентов и мафиози... Кто правит теперь миром? Вы убедитесь, что Великая Криминальная Революция конца прошлого века затронула не только Россию: она достойна именоваться Всемирной. Миша Гленни, корреспондент BBC в России и Восточной Европе, в деталях описал невиданный передел собственности на постсоветском пространстве, на Балканах, на Ближнем Востоке, в Америке и Африке. Рискуя жизнью, он расследовал борьбу преступных группировок и формирование мафиозных кланов – от содержания борделей до вхождения в мировую элиту. Бонус для нашего читателя – групповой портрет российской олигархии на фоне международного криминального бомонда.

Миша Гленни

МакМафия. Seriously организованная преступность

Copyright © Misha Glenny 2008

© Перевод на русский язык. Владимир Панов, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Введение

Был вечер 30 апреля 1994 года, и в городе Уокинг, графство Суррей, уже установилась весна. Район Барнсбери-Эстейт нельзя назвать кварталом менеджеров среднего звена, однако населения с амбициями хватает и в этой части юга Англии. Когда над тихой улицей Уиллоувэй, вдоль которой тянулись домики с террасами, уже сгущались сумерки, автомобили уже стояли в гаражах, а семейства усаживались за ужин и вечерние субботние телепрограммы.

В девять часов вечера из красной «Тойоты», остановившейся возле дома номер 31, вышел мужчина с плоской бело-голубой коробкой в руках, – он направился к двери дома и постучал. В доме была Карен Рид, геофизик тридцати трех лет, зарабатывавшая анализом сейсмологических данных. Она наслаждалась бокалом белого вина и разговором с подругой, когда услышала за окном приглушенный мужской голос: «Пиццу заказывали?» Карен открыла дверь, и в этот миг разносчик пиццы выхватил пистолет тридцать восьмого калибра и хладнокровно выпустил ей в голову несколько пуль. Затем киллер побежал к своей машине, сел в нее и скрылся.

Умереть в тот вечер должна была вовсе не Карен Рид. Дело в том, что убийца перепутал жертву. Его настоящей целью была сестра Карен, Элисон Понтинг, продюсер из Всемирной службы Би-би-си (BBC World Service), которая в то время проживала вместе с Карен. Убийство было совершено по распоряжению Джохара Дудаева, президента Чеченской Республики Ичкерия.

В 1986 году Элисон вышла замуж за обаятельного полноватого армянина, Гачика Тер-Оганисяна, с которым познакомилась несколькими годами раньше, когда изучала в университете русский язык. Этот брак положил начало цепи невероятных событий, восемь лет спустя погрузивших тихий обывательский

городок Уокинг в водоворот смертей, империализма, гражданской войны, нефтяных интересов, бандитизма и националистических столкновений, другое название которого – Северный Кавказ.

За восемнадцать месяцев до убийства Карен в Лондон, в качестве эмиссаров президента Дудаева, прибыли братья Руслан и Назарбек Уциевы, перед которыми была поставлена задача напечатать для нового чеченского государства паспорта и денежные купюры. Руслан был доверенным советником неуловимого Дудаева, в чьей раздираемой противоречиями администрации он стоял на консервативных позициях. Его брат был знатоком боевых искусств, а в целом – наемным головорезом. Помимо своей государственной миссии по печати документов для того, что именовалось чеченским государством, братья должны были получить от одного американского бизнесмена кредит в 250 млн долларов – на модернизацию многочисленных чеченских нефтезаводов. Братья хотели провести с немецкой энергетической компанией Stinnes AG переговоры о быстрой продаже чеченской нефти по мировым ценам. Впоследствии следователи установили, что братья Уциевы заодно намеревались приобрести и 2 тыс. переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер».

Для проведения столь трудных переговоров братьям нужен был искусный переводчик и посредник. Руслан припомнил, что когда-то давал интервью продюсеру из Би-би-си Элисон Понтинг, к которой и обратился за помощью. Та предложила услуги своего мужа Тер-Оганисяна, за время пребывания в Лондоне ставшего законченным авантюристом. Он сновал, вертелся и крутился всюду: занимался контрабандой, основывал фиктивные компании для отмывания денег, а когда его непостоянные преступные начинания сходили на нет, брался за черную работу.

Кавказский мачо ухватил быка за рога, начав устраивать бурные вечеринки, куда стайками приходили «девочки по вызову». Неудивительно, что Элисон все больше огорчалась из-за поведения своего мужа и двух чеченцев, равно как и богатые жильцы из дома Бикехолл-Мэншенс, где братья Уциевы подыскивали себе квартиру, – в двух шагах от знаменитого обиталища Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221-Б в центре Лондона.

Но в какой-то момент отношения между армянином и чеченцами испортились. Впоследствии британская Королевская прокуратура будет утверждать, будто Тер-Оганисян узнал, что «стингеры» предназначались для Азербайджана, который собирался использовать их в войне с его родной Арменией. Была и

другая версия – что в действительности «стингеры» предназначались для Чечни, а рассорились братья Уциевы и Тер-Оганисян из-за денег. Но наверняка известно, что Тер-Оганисян «сдал» все мероприятия братьев Уциевых армянскому КГБ, после чего из Лос-Анджелеса, центра армянской диаспоры в США, в Лондон были направлены наемные убийцы.

Братья Уциевы были убиты очень жестоко (тело Руслана было расчленено, и обнаружили его лишь по пути в Харроу, северный пригород Лондона, когда оно вывалилось из мешка). За это убийство Тер-Оганисян отбывает сейчас пожизненное заключение, а его подельник, офицер армянского КГБ, в ожидании суда повесился в тюрьме Белмарш.

В свое время я был в ужасе, когда прочитал эту историю. Однако я был еще более потрясен, когда обнаружил, что отцом Карен и Элисон был Дэвид Понтинг, читавший лекции в Бристольском университете. Его коронным номером был моноспектакль о Дилане Томасе. Я очень хорошо помню это, поскольку именно Дэвид учил меня организации радиопостановок, когда я занимался драмой в аспирантуре.

После убийства Карен Элисон согласилась участвовать в программе защиты свидетелей. Дэвид, лишившись детей, перебрался в США, где работал актером. Впоследствии он тоже где-то затерялся.

Трудно вообразить себе семью, так мало подходящую на роль мишени для политических убийств мафии из бывшего Советского Союза, чем непритязательные и тихие Понтинги. Однако, как высказался в свое время один из тех, кто расследовал дело братьев Уциевых, «мы внезапно столкнулись с преступностью и политикой из той части света, о которой никто в лондонской полиции и не слышал. Мы не знали об их войнах, преступлениях и политике – мы были в полном вакууме».

Был 1994 год, и Соединенное Королевство навестило государство-изгой.

Миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, в первой половине 1980-х годов стал трещать по швам. Его крушение обходилось без какой-либо очевидной схемы, и даже напротив, приняло форму последовательности внешне не связанных событий. Здесь был и впечатляющий взлет японского автомобилестроения, и тайное обращение венгерских коммунистов

в Международный валютный фонд за возможным членством, и стагнация в индийской экономике, и первые негласные встречи президента де Клерка с Нельсоном Манделой, и эпоха реформ Дэн Сяопина в Китае, и решительная конфронтация Маргарет Тэтчер с британским профсоюзным движением.

Будучи взяты по отдельности, эти и прочие события отражают, казалось бы, повседневные политические взлеты и падения; в лучшем случае это были «поправки» к мировому порядку. В действительности же на глубине уже действовали мощные течения, которые породили ряд экономических кризисов и перспектив, в особенности за пределами могущественных центров власти в Западной Европе и Соединенных Штатах.

Впрочем, одно нововведение все же появилось на территории Америки и ее главного европейского союзника – Великобритании. Мир начал делать свои первые шаги к либерализации международных финансовых и товарных рынков. По следам нефтедолларовой лихорадки, разразившейся в 1973 году, некоторые коммунистические и многие развивающиеся страны стали накапливать огромные долги. По мере того как долги увеличивались, их бремя стало давить на старую протекционистскую систему. Американские и европейские корпорации стали высоко ценить открытые рынки, которые до того времени поддерживали строгий контроль над иностранными инвестициями и конвертацией валют. Старые промышленные отрасли Запада, которые и создали его богатство, сворачивали производство и переносили его в развивающиеся страны, чтобы экономить на заработной плате.

Глобализация, как стали называть эту новую систему, предлагала огромные возможности для расширения торговых и иностранных инвестиций. Однако это относилось не только к легальным рынкам, но также и к нелегальным. Нелегальные товары, пользуясь преимуществами новых торговых путей и все активнее совершенствующихся технологий, можно было перевозить по всему миру быстрее и дальше, точно так же, как и легальные.

Вслед за наступлением глобализации в 1989 году началось падение коммунизма – сперва в Восточной Европе, а затем и в самом СССР со всем его могуществом. Благодаря влиянию идей, недостатку денег и отставанию в гонке за технологическое превосходство коммунизм перестал существовать даже не за несколько лет, а в считанные дни. Это было глобальное событие, которое шло рука об руку с процессом глобализации и привело к тому, что теневая экономика стала расти в геометрической прогрессии. Эти громадные политические и

экономические изменения сказались на всех регионах планеты. В некоторых из них, например в Соединенных Штатах, в начале 1990-х годов отмечался резкий рост личных доходов. Южно-Африканская Республика готовилась расстаться с апартеидом, самой презираемой политической системой на планете. Населению Советского Союза, которое семь десятилетий благополучно ограждалось от контактов с Западом, приходилось приспосабливаться к новой жизни – такой, при которой правительство больше не управляло ими с рождения и до смерти. В Латинской Америке военные режимы с вопиющими нарушениями прав человека были больше не в фаворе, а на их место пришло такое тяжелейшее политическое испытание, как управление непредсказуемым государственным долгом.

В общем и целом, во всем мире отмечался существенный подъем в торговле, инвестициях и накоплении богатств. Богатства, впрочем, распределялись весьма неравномерно. Многочисленные государства обнаружили, что ввергнуты в чистилище под названием «переходный период», границы которого точностью никогда не отличались. В таких «пустошах» экономическое выживание часто выглядело так: взяться за оружие и присвоить все, что можно, чтобы выжить.

Конечно, крах коммунизма стал огромной победой Запада, которая продемонстрировала преимущество демократий мира над коммунистическими диктатурами во всех отношениях. Европа праздновала воссоединение Германии и освобождение множества восточноевропейских стран. Новая Россия, похоже, была только рада расстаться со своим военным господством в Восточной Европе, распустив Варшавский блок, давнего противника НАТО. Затем Москва – сначала неохотно – разрешила остальным народам умирающего Советского Союза образовать собственные независимые государства и тем самым реализовать свои национальные устремления.

После первоначальной эйфории прошло не так много времени, когда в неких темных местах стали возникать первые «подземные толчки», указывавшие на то, что новая эпоха мира и демократии натолкнулась на ряд зарождающихся проблем. С Кавказа, от южной границы России, стали приходить эпизодические сообщения о боевых действиях в некоторых областях региона. В таких африканских странах, как Ангола, где Америка и СССР поддерживали конфликтовавшие стороны как «посредники», войны не закончились, подобно «холодной войне», а, напротив, только разгорелись. Затем в процессе кровавой гражданской войны распалась Югославия, поставив перед новой и единой Европой проблему, с которой та оказалась совершенно неспособной справиться.

Старые международные организации вставали в тупик перед вновь возникшими обстоятельствами. Всем приходилось импровизировать, и никто не понимал до конца последствий своих действий.

Однако в этом ошарашивающем водовороте изменений, надежд и нестабильности некая группа людей усмотрела реальные возможности. Эти люди – мужчины, а иногда и женщины – инстинктивно осознали: повышение стандартов жизни на Западе, усилившиеся торговые и миграционные потоки и резкое уменьшение во многих государствах возможностей поддерживать порядок в совокупности являются золотой жилой. Эти люди были преступниками, организованными или разрозненными, но они были также неплохими капиталистами и предпринимателями, которые были верны закону спроса и предложения. В этой своей ипостаси они предпочитали экстенсивно развивающиеся экономики – как и международные корпорации – и поэтому искали за рубежом партнеров и рынки, чтобы развивать отрасли-космополиты такого же масштаба, как «Шелл», «Найк» или «Макдоналдс».

Впервые они заявили о себе в России и Восточной Европе, однако свое влияние распространяли и на такие удаленные друг от друга страны, как Индия, Колумбия и Япония.

Впервые я заметил этих людей в начале 90-х годов, когда в качестве центральноевропейского корреспондента Би-би-си освещал войны в бывшей Югославии. Добыча, которую вооруженные формирования притаскивали домой после разрушения городов и деревень в Хорватии и Боснии, использовалась как капитал для основания больших преступных империй. Боссы таких синдикатов обогатились быстро. Вскоре они обеспечили себе возможности для контрабанды, позволявшей доставлять нелегальные товары и услуги со всего мира в потребительский рай Европейского союза.

В качестве автора книг о Балканах я участвовал в многочисленных конференциях, где обсуждались политические проблемы, стоявшие за опустошительными войнами в этом регионе. Вскоре после этого я стал получать приглашения на конференции по вопросам безопасности. Политики, полицейские, общественные организации – все они стремились узнать, на что же опирается огромная власть организованной преступности на Балканах и за их пределами. Однако по большей части знания об этой новой волне преступности носили анекдотический характер. Повседневных ее реалий не знал никто.

Вначале я взялся за рассмотрение связей и мотивов преступных группировок на Балканах, но быстро усвоил: чтобы понять балканскую преступность, мне придется расширить свое исследование, включив в него и другие части мира – регионы, которые производят нелегальные товары, например Россию, Южную Америку, Африку, Индию и Китай, а также регионы, которые их потребляют (Евросоюз, Северная Америка, Япония и Ближний Восток).

Среди многочисленных последствий распада СССР было возникновение обширного «пояса нестабильности», который начинался на Балканах и тянулся вдоль Кавказа, через «-станы» советской Средней Азии к западным регионам Китая и северо-западной границе Пакистана.

То был Новый шелковый путь, многополосное шоссе для преступности, которое связывало этот пояс с другими беспокойными регионами, такими как Афганистан, и позволяло легко и просто переправлять людей, наркотики, наличность, редких животных и ценные сорта дерева из Азии в Европу и дальше, в Соединенные Штаты.

Это образование из нестабильных государств на южной периферии бывшей советской империи зародилось, когда глобализация стала набирать обороты. Западноевропейские и средиземноморские страны оказались мощным магнитом для всех тех, кто стремился захватить власть в любом из регионов Нового шелкового пути. Деньги напрямую превращались в политическую власть, и наоборот. А те, кто лелеял схожие амбиции в несостоятельных государствах, нуждались в Новом шелковом пути для осуществления трех взаимосвязанных трансакций: чтобы переправлять деньги в безопасные западные банки и превращать их в недвижимость, чтобы торговать нелегальными товарами и услугами в Евросоюзе, США и восточнее, в Японии, и чтобы покупать и продавать оружие на территории бывшего СССР и экспортировать его в горячие точки мира.

«В 1993–1994 годах я работал в правоохранительных структурах, зная, что глобализация начинает оказывать влияние на широкий спектр вопросов, – сказал Джон Уинер из администрации Клинтона, выстраивавший стратегию борьбы с организованной преступностью. – Моделью здесь оказался Сальвадор. После войны люди решили использовать имеющееся оружие для добывания денег в составе преступных банд. А затем мы увидели, что боевики правого толка и левые партизаны стали сотрудничать! Кражи со взломом, угон и ограбление машин, похищение людей...»

Уинер натолкнулся на проблему, которая по-прежнему осложняет мирные инициативы, направленные на прекращение войн, захлестнувших несостоятельные государства. Когда дипломатам удается положить военным действиям конец, они сталкиваются с рухнувшей местной экономикой и с обществом, где всем заправляют лопающиеся от тестостерона молодые мужчины, внезапно лишившиеся своего занятия, но привыкшие к собственному всемогуществу. Если вы стремитесь к прочной стабильности, вам придется занять их на полезной работе. В противном случае эти люди поддадутся необоримому искушению и «пройдут переподготовку» в качестве профессиональных преступников. Как утверждал Уинер – в ретроспективе и через призму этой проблемы, – Сальвадор и прочие конфликты 80-х – это прогулка в парке по сравнению с тем, что припасли 90-е: «Основными источниками дохода в Сальвадоре были не угоны машин и не наркотики. Но если взять Балканы или Кавказ, то основным источником прибылей в обществе и тогда была преступность. Теперь же эта модель изменилась».

Упрочнение взаимосвязей в мире, охваченном глобализацией, только усиливает воздействие таких тяжелых нарушений в международном порядке, как распад Советского Союза. Первые несколько лет после этого события никто не имел даже малейшего понятия о том, какие реальные последствия будет иметь внезапное «впрыскивание» в легальную и теневую экономику огромных прибылей от минеральных ресурсов и преступной деятельности. Те же, кто заметил некоторые изменения в механизмах, управлявших миром, нередко бывали ими озадачены. Что, например, мог знать полицейский, дежурящий в зеленом Уокинге, о междоусобной вражде на Кавказе?

Ученые и исследователи затратили немало усилий, чтобы понять процесс «легальной» глобализации, который по большей части поддается регулированию и измерению. Однако с тех пор, когда началась либерализация международных финансовых и товарных рынков и одновременно рухнул коммунизм, теневая экономика выросла так, что стала составлять значительную часть от мирового объема ВВП. По данным, которые сейчас опровергают и МВФ, и Всемирный банк, и научно-исследовательские институты в Европе и Северной Америке, на ее долю приходится от 17 до 25 % мирового товарооборота.

Конечно, сюда входит огромное множество таких прегрешений, как уклонение от уплаты налогов, которые нельзя приписать росту взаимосвязанной мировой преступности. Однако если учесть, что теневая экономика превратилась в нашем мире в такую важную экономическую силу, просто удивительно, почему

мы уделяем так мало внимания систематическому изучению того, как она работает и как переплетается с легальной экономикой. Этот темный мир не так уж отличается от своего легального, видимого прототипа, который сам по себе часто оказывается куда менее прозрачным, чем можно было бы вообразить или пожелать. Как в банковской сфере, так и в торговле товарами криминал действует гораздо более точно и уверенно, чем думается.

Это обширное экономическое пространство – болото с богатой питательной средой, где вызревает масса проблем для безопасности. Международный терроризм, вне всякого сомнения, пасется на тех же угодьях, однако, оценивая вызываемыми им смертями и страданиями, терроризм – хищник примитивный и малозначительный. Последние два десятилетия преступность и погоня за деньгами или политической властью оказываются куда более разрушительными силами. Сосредоточение громадных ресурсов на борьбе с террором и пренебрежение остальными проблемами безопасности является следствием хронических ошибок в управлении и организации, особенно при администрации Джорджа Буша-младшего. Поразительно, что в опросах общественного мнения, проводившихся в Ираке после вторжения, коррупция и преступность вызывали столь же серьезное беспокойство, как и терроризм. И еще долго после победы над терроризмом они будут оказывать свое влияние не только на Ирак, но и на весь Ближний Восток.

Начав с Балкан, которые я хорошо знал, я отправился в путешествие по всему миру, чтобы предать гласности историю невероятного роста организованной преступности и теневой экономики за последние двадцать лет. В своих поездках я встречал обаятельных людей, обладателей огромного ума, жизнелюбия, смелости, остроумия и силы духа. Многие из них были преступниками, некоторые – жертвами, а также политиками, полицейскими или юристами. Почти все они рады были поделиться со мной своими необычными, пугающими и подчас забавными историями. Сама природа моей темы означала, что многие согласятся говорить только анонимно, да и имена часто приходилось изменять. Я хотел бы поблагодарить всех, с кем я беседовал и советовался, за то, что они уделили мне время и поделились своими глубокими мыслями.

Я надеюсь, что их рассказы поспособствуют решению головоломки механизма встраивания организованной преступности в охваченный глобализацией мир. Я надеюсь также, что политикам и полицейским эта книга даст полезные советы для решения возникших проблем и это помешает превращению невинных мужчин и женщин – таких как Карен Рид – в жертв «темного мира».

Часть 1

Крах коммунизма

Глава первая

Смерть американца

Колокола без умолку звонили в течение пятнадцати минут, пока несколько тысяч скорбящих провожали в собор Святой Недели гроб, перед которым торжественно шествовал патриарх Максим, глава Болгарской православной церкви. Казалось, что в эту ужасно холодную пятницу марта 2003 года вся София пришла отдать последний долг человеку, который олицетворял для нее 90-е годы.

По окончании богослужения тридцать братьев из масонской ложи древнего шотландского устава, к которой принадлежал «дорогой усопший», закрыли двери собора. Эти мужчины, одетые в черные как ночь костюмы, с букетами цветов в руках, исполнили тайный ритуал, чтобы отправить «брата Павлова в Вечный Восток». Масонское одеяние, перчатки и масонский герб брата Павлова «отправились вслед за ним к Великому Архитектору Вселенной».

Министр правительства передал послание от премьер-министра, Симеона Саксен-Кобург-Готского. Худощавый и элегантный Симеон, бывший когда-то царем Болгарии, отказался от претензий на трон, чтобы вывести свою страну и свое правительство из трясины конца 90-х годов, после того как его партия одержала решительную победу на выборах 2000 года. Телеграмма соболезнования от бывшего царя гласила: «Мы должны помнить Илью Павлова за то, что в трудные для народа времена он создал рабочие места для многих семей. Мы будем помнить и его предпринимательский дух, и его необычайную энергию».

К скорбящей семье Павлова присоединились члены парламента, артисты, главы важнейших нефтяных компаний и банков, две бывших «мисс Болгария» и футбольная команда «Левски» в полном составе (для Болгарии это нечто среднее между «Манчестер Юнайтед» и «Янки»). Выделялась, кроме того, и другая группа знакомых покойного, которые были известны болгарской публике под своими кличками: Череп, Клюв, Дими-Русский и Доктор.

Что касается отсутствующих, то особенно подозрительно выглядело отсутствие американского посла в Болгарии Джима Пардю. После того как неделей раньше, в семь пятнадцать вечера 7 марта, одна-единственная пуля, выпущенная снайпером, свалила Павлова на землю, пока тот беседовал по телефону возле штаб-квартиры своей мегакорпорации «Мультигруп», американское посольство делало на этот счет срочные запросы. Смерть столь видного и богатого американского гражданина на чужой земле должна была естественным образом вызвать серьезную озабоченность у США и их представителей.

Павлов никогда не смог бы стать хозяином Белого дома, поскольку родился он не в Америке, и все же он оставался гордым солдатом огромной армии претендентов на натурализацию в Америке. Единственным любопытным аспектом американских амбиций Павлова было то, что этому яростно сопротивлялись подряд два посла США в Софии. Оба дипломата лично являлись в Вашингтон, пытались перекрыть Павлову въезд в страну, – не говоря уже о том, чтобы даровать ему американское гражданство. Однако в Соединенных Штатах у Павлова были и сторонники. Американский паспорт он все же получил, несмотря на то что его прошлые деяния расследовало ФБР, не говоря уже о повышенных требованиях безопасности после 11 сентября.

В 70—80-х годах XX века коммунистическая Болгария была одним из самых бедных и убогих мест для жизни во всей Европе, уступая пальму первенства только Румынии и Албании. Я вспоминаю, как бродил по окутанным туманом улицам Софии, блуждая в окружении разнообразных оттенков серого в поисках ресторана или кафе, которые помогли бы мне одолеть скуку. Поскольку я был иностранцем и журналистом, адресованное лично мне гостеприимство неизменно предполагало как минимум двух агентов ДС («Държавна сигурност», болгарская госбезопасность), следивших за каждым моим шагом. Благодаря их присутствию, всякий раз, когда я убеждал обычного человека поговорить со мной, можно было рассчитывать в лучшем случае на болтовню о погоде.

Однако постепенно я стал понимать, что под слоем этого удручающего конформизма бьют фонтанчики живой деятельности, в том числе и довольно сильные, питающие гораздо более интересные занятия. И это были не интеллектуалы и диссиденты с их выстраданным мученичеством, которые отважно боролись с несправедливостями коммунизма, а те, кто благодаря озарению или счастливой случайности нашел способ приспособить эту систему для получения выгод.

Еще в 1970-х годах, подростком, молодой Илья Павлов обладал даром, выделявшим его из среды сверстников: он был прекрасным борцом, и более того, чемпионом Софии в своей весовой категории. Будь он слишком умным или одаренным рок-гитаристом, Илья мог бы нарваться на неприятности, поскольку такие дарования обычно вели молодежь к бунтарству и неповиновению. Однако в Болгарии величайшими из героев были не футболисты и не теннисисты, а люди с мускулами. Вплоть до краха коммунизма государства восточного блока лидировали в тяжелой атлетике, борьбе и боксе, накачивая многообещающих спортсменов обоего пола литрами стероидов, чтобы стяжать себе олимпийскую славу.

Будучи профессионалом (хоть и не по названию), преуспевающий борец мог рассчитывать на любовь публики (и в качестве дополнительных благ – на случайный секс в любое удобное время), деньги, квартиру и машину (последние две возможности были недостижимы для всех молодых людей, кроме разве что самых популярных молодых спортсменов). По всей видимости, Павлов предвкушал все это, когда поступал в софийский институт физкультуры, элитное учебное заведение для будущих олимпийцев.

Илья, несомненно, имел и особые преимущества, поскольку его отец управлял рестораном и баром в Софии, где и работал его крутой молодой сын. «В то время быть барменом или официантом значило иметь значительный социальный статус, – объясняет Эмил Кюлев, учившийся в институте одновременно с Павловым. – Он расхаживал с крутыми ребятами, и люди смотрели на него с уважением. Благодаря всему этому он и стал сотрудничать со спецслужбами».

Для такого необразованного молодого бычка, как Павлов, ДС (болгарский КГБ) была не тем инструментом для репрессий в духе Оруэлла, каким она казалась людям Запада. Для некоторых болгар это была прямая дорога к положению в обществе и влиянию. Если, как многие утверждают, Павлов действительно

работал осведомителем для ДС, он мог рассчитывать на поощрения. Самое важное из них имело облик привлекательной молодой женщины по имени Тони Чергеланова, которая в 1982 году согласилась стать его женой. Куда большей удачей, чем эта девушка, было знакомство с ее отцом, Петром Чергелановым, который работал в госбезопасности. Так Илья породнился с аристократией спецслужб.

Болгарскую службу государственной безопасности ДС ее советские хозяева ценили особо – за эффективность и надежность. Обычно ДС действовала как невидимка, но не терялась, если вдруг привлекала всеобщее внимание: так, ДС устроила убийство одного болгарского диссидента, который, работая в Лондоне на Би-би-си, в 1978 году был уколот отравленным зонтиком во время прогулки по мосту Ватерлоо.

Задача по устранению врагов в духе детективов Ле Карре была лишь верхушкой айсберга. Самым главным и соблазнительным занятием болгарской спецслужбы была контрабанда – наркотиков, оружия и высоких технологий. Иван Крастев, ведущий болгарский политолог, поясняет: «Контрабанда – это наше культурное наследие. Наша страна всегда пребывала между православием и католицизмом, христианством и исламом, капитализмом и коммунизмом. Империи были полны ненависти и подозрения друг к другу, но тем не менее в них было много людей, желавших торговать через закрытые границы. Мы умеем пересекать самые бурные моря и проходить через самые суровые горы. Мы знаем все тайные перевалы, а если и это не помогает – то цену каждого пограничника».

Обретя подкрепление в могуществе тоталитарного государства, ДС в полной мере воспользовалась этой романтической традицией. Уже в 1960 году она основывает компанию «Кинтекс», которая получила монополию на экспорт оружия из Болгарии и принялась искать рынки сбыта в таких беспокойных местах, как Ближний Восток и Африка. К концу 70-х ДС расширила «Кинтекс», организовав «управление по секретному транзиту». Его основной задачей была контрабанда оружия африканским повстанческим группировкам, однако вскоре те же каналы ДС начала использовать для незаконной переправки людей, наркотиков и даже для контрабанды произведений искусства и антиквариата.

Другие компании специализировались на продаже фирменного болгарского амфетамина – каптагона – на Ближнем Востоке, где он был популярным наркотиком благодаря тому, что ему приписывались свойства афродизиака. В обратном направлении шел героин: 80 % этого наркотика поступало на

западноевропейский рынок через Болгарию из Турции, – на пограничном пункте Капитан-Андреево он попадал непосредственно в руки ДС. Болгария не только выручала за это огромные деньги, но и помогала разрушать Западную Европу, которую наводняла дешевым героином.

ДС обеспечивала Болгарии ключевую роль в распространении нелегальных товаров и услуг между Европой, Ближним Востоком и Средней Азией. Вместе с тем она пресекала попытки посторонних вторгнуться в эту торговлю. Пограничная служба Болгарии была безжалостна, и суровые наказания ждали любого, кого она ловила на контрабанде оружия и наркотиков – без разрешения. Такая решимость объяснялась вовсе не преданностью власти закона (для болгарской спецслужбы это звучало как проклятие), а стремлением обеспечить ДС экономическую монополию.

Торговля высокими технологиями выглядела иначе. Вплоть до революций 1989 года советский блок содержал неповоротливый Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), который обеспечивал «международное разделение труда между соцстранами». На практике это означало, что Москва велела Чехословакии сосредоточиться на производстве турбин для электростанций, заставляя Польшу производить удобрения – потому что так хотелось Москве. А в 1960-х годах СССР приказал Болгарии развивать электронную промышленность.

В результате в конце 1970-х годов Болгария (самая аграрная из всех восточноевропейских экономик) волшебным образом превратилась в центр компьютерной промышленности и производства дискет. Появился «Правец» – первый «социалистический» персональный компьютер в Европе, который производился (что отнюдь не случайно) в одноименном городе в 30 километрах от Софии, на родине Тодора Живкова, давно уже бывшего диктатором Болгарии.

Москва поставила перед ДС задачу нарушить режим, введенный Комитетом по контролю над экспортом стратегических товаров (КОКОМ) – так назывался регулирующий орган, основанный Соединенными Штатами (туда входили Западная Европа и Япония) для предотвращения экспорта за «железный занавес» и в СССР сложного высокотехнологичного оборудования, которое можно было бы использовать в военных целях.

ДС привлекла на службу ряд самых выдающихся ученых Болгарии, чтобы те снабжали Болгарию и Советский Союз передовыми технологиями, на которые

КОКОМ наложил эмбарго. Через два года она создала за рубежом несколько засекреченных компаний, в которые потекли доходы от незаконной продажи технологий – в объеме около 1 млрд. долларов.

Наиболее важной из этих компаний была Memory Disc Equipment (известная также как DZU); здесь Болгария сколотила команду из одаренных инженеров по программному обеспечению и компьютерному оборудованию. Это был прибыльный бизнес. «По подсчетам наших клиентов, между 1981 и 1986 годами ежегодная прибыль от технологических и научных мероприятий разведки составляла 580 миллионов долларов, то есть в эту сумму технологии обходились бы нам, если бы мы их покупали», – признал позже один из руководителей разведки.

Считалось, что три отрасли – наркотики, оружие и высокие технологии – имеют для Болгарии огромное стратегическое значение. Сердцем контрабандистских операций было Второе управление (военной контрразведки) «Державной сигурности», которое ведало болгарскими границами. Руководил Управлением военной контрразведки генерал Петр Чергеланов – тесть Ильи Павлова.

В 1986 году, когда Михаил Горбачев упрочил свою власть в Москве, западным лидерам было еще невдомек, что гегемонии Советского Союза среди его восточноевропейских союзников приходит конец. Болгарская госбезопасность не питала иллюзий относительно системы, за которой она надзирала. ДС имела большой опыт наблюдений за советским строем, и ее руководство просчитало, что жить коммунизму осталось уже недолго.

Под давлением Горбачева болгарская коммунистическая партия приняла Указ № 56, который в одночасье разрешил создавать в Болгарии частные предприятия, которые назывались «совместными». Многие коммунисты-консерваторы были шокированы таким поворотом событий, поскольку это казалось им первым маленьким шажком к капитализму. Однако госбезопасность, привычно подчинившая идеологию своему властолюбию, воспользовалась таким ходом вещей.

Станимир Вангелов, журналист, специализирующийся в своих работах на коррупции и организованной преступности, рассказывал мне: «Я был ошарашен, когда взглянул на торговый реестр за 1986 год: ДС организовала первую компанию уже через неделю после вступления в силу Указа № 56. А уже за первый год сотрудники ДС стали основателями 90 % всех новых совместных

предприятий!» Пока массы многострадального болгарского народа еще пичкали риторикой о нерушимом светлом будущем социализма, самые высокопоставленные представители режима уже учились делать деньги. Большие деньги. Поскольку тайная полиция сорок пять лет разоблачала перед обычными болгарами теоретическую сторону пороков капитализма, она теперь прекрасно знала, как устроить эти «пороки» на практике.

В 1988 году, за год до краха коммунизма, Илья Павлов и сам зарегистрировал компанию «Мультиарт», которая занималась импортом и экспортом антиквариата и искусства (используя каналы, налаженные секретным управлением ДС по «Кинтексу»). Бизнес процветал, и очень скоро весь город говорил о Павлове, который любил ворваться в один из новых частных ресторанов, сопровождаемый стайкой молодых красавиц: ящерица отрастила себе длинный хвост. Позже, вспоминая о том, как он начинал, Павлов признал: «В «Мультиарте» на самом деле царил хаос. Мы создали целую цепочку бизнесов без всякой структуры». Одним из директоров «Мультиарта» был Димитр Иванов, начальник Шестого управления ДС – политической полиции, которую в Болгарии насмешливо называли «гестапо». Иванов и представил Илью Андрею Луканову, главному болгарскому коммунисту-реформатору. Так Илья Павлов, некогда борец-чемпион, крутой парень и гламурный плейбой, начал свою новую карьеру.

Андрей Луканов шаловливо ухмылялся, когда в последние дни 1989 года мы обсуждали с ним хаотические шатания нового парламента: «Все идет вполне недурно, вам не кажется?» Я был в недоумении. «Разве вас не беспокоит, как обычные люди будут воспринимать таких коммунистов, как вы?» – спросил я его.

«Нет, Миша, вам не стоит паниковать. Я всегда хотел измениться, и скоро все станет гораздо лучше», – ответил он на безупречном английском.

Хотя Луканов был немного похож на гнома, он был само обаяние (и тем являл собой разительный контраст с большинством других коммунистов). Он умел сразу же понравиться людям, в том числе и мне. Этот полиглот с безупречной политической карьерой родился в Москве – там Луканов поддерживал густую сеть связей. После свержения диктатора Тодора Живкова в ноябре 1989 года он принял пост премьер-министра и вместе с Ильей Павловым и общими друзьями в ДС рассчитывал «угнать» болгарскую экономику. Они учли почти все: Луканов контролировал политический аппарат, Димитр Иванов мобилизовал свои связи в госбезопасности, а Илья и его друзья-борцы были мускульной силой.

Не хватало только одного – поддержки демократической оппозиции. После революции 1989 года в Болгарии моральное превосходство закрепил за собой недавно созданный Союз демократических сил, пользовавшийся щедрой финансовой и политической поддержкой американского посольства. Союз находился в решительной оппозиции к коммунистам из-за того, что они так надругались над страной. И Павлов, и все его коллеги были тесно связаны с коммунистическим режимом, поэтому им необходимо было нейтрализовать любую оппозицию, которая могла бы сорвать их деловые планы.

Решение проблемы Илья нашел в 1990 году. Один его добрый друг был заместителем главы «Подкрепы», крайне антикоммунистического независимого профсоюза, который, кроме того, пользовался активной поддержкой американского правительства. Боссов «Подкрепы» Павлов убедил в том, что настоящими врагами рядовых рабочих являются назначенные коммунистами директора крупных государственных предприятий.

«Игра Ильи была проста», – авторитетно заявляет Бойко Борисов. Бывшему оперативному директору болгарского МВД сейчас за сорок, и у него черный пояс по карате. Кроме того, он занимался рэкетом, но затем «легализовался» и стал телохранителем премьер-министра Симеона Саксен-Кобург-Готского. Это один из главных «перебежчиков» той эпохи, и о криминализации Болгарии ему известно не понаслышке:

«Это называлось «ловушка на паука». Илья вошел в кабинет директора комбината «Кремиковцы», одного из крупнейших сталелитейных предприятий в Восточной Европе. Его сопровождал босс самого влиятельного профсоюза, а рядом усаживался Димитр Иванов, не так давно возглавлявший Шестое управление. Директору комбината эти ребята заявили: «У вас есть выбор... Работайте с нами, или мы вас уничтожим!»

Павлов восторгался простотой и эффективностью этой схемы. Правительство, которым руководил Луканов, в течение многих лет продолжало обеспечивать его компанию субсидиями. «Предприятие не рушилось немедленно, – сказал Эмил Кюлев, один из богатейших банкиров Болгарии, незадолго до того, как его убили в октябре 2005 года. – Вы как бы подвешиваете козу на крюк и перерезаете ей жилы у копыт, и она истекает кровью медленно, капля за каплей, пока кровь не покинет тело – агония будет длиться годами. Павлов и его друзья создали такие холдинговые компании во всех отраслях болгарской экономики, в сельском хозяйстве, на транспорте, в промышленности, в

энергетике – да где угодно. Холдинги создавались параллельно с филиалами «Подкрепты»: где была «Подкрепта», там Илья создавал холдинг».

После революции 1989 года система социального обеспечения в Болгарии рухнула, оставив после себя шлейф из нищеты и лишений. Страна, выбравшаяся из пещерного существования социалистической экономики на слепящее солнце свободного капиталистического рынка, получила тяжелый удар. При коммунизме фабрики выживали благодаря крупным государственным субсидиям, а советский торговый альянс обеспечивал их топорной продукции гарантированный сбыт на восточноевропейском рынке. И едва в 1989 году рухнула Берлинская стена, вместе с ней для Болгарии обрушились и рынки.

Когда промышленность страны оказалась чуть ли не на смертном одре, сельское хозяйство, традиционная опора болгарской экономики, приобрело еще большее значение, однако и этот сектор оказался на мели. Европейский союз не горел желанием увеличивать свой крохотный импорт болгарской сельскохозяйственной продукции, поскольку это могло бы сорвать его протекционистский грабеж – тот, что кутался в величественную тогу Единой аграрной политики. Когда в начале 90-х годов ведущие державы мира принялись возвещать революционное значение глобализации, о ее противоречиях они упоминали лишь мельком. Но стоило странам мира открыть свои рынки в надежде углубить сотрудничество с могучими экономиками Запада, как Евросоюз, США и Япония потребовали, чтобы эти зарождающиеся рынки стали принимать для продажи европейские, американские и японские товары. В то же время в обмен на новые инвестиции они требовали снижения налогов для корпораций, в которых в тот момент развивалось модное поветрие – обращаться к «внешним источникам» для производства и тем снижать затраты на рабочую силу.

Уже через считанные месяцы после окончания коммунизма «Сникерс», «Найк», «Суотч», «Хайнекен» и «Мерседес» начали свой неудержимый марш на восток, за несколько недель завоевывая те части Европы, которые устояли даже перед Наполеоном и Гитлером. Очарованные новизной и качеством этих западных товаров, которые непременно следовало иметь, народы Восточной Европы (и, кстати, Африки и Азии тоже) пустились во все тяжкие, тратя свои скудные средства на приобретение этих символов нового статуса.

В международной торговле существует одна универсальная истина: если вы ввозите в свою страну одни товары и услуги, вы должны экспортировать другие,

чтобы заплатить за импорт (чем беднее страна, тем это ей необходимее: богатым странам, например Соединенным Штатам, наделать огромных долгов стоит гораздо дешевле). Болгарские плодово-ягодные культуры, хлопок, розы, вина и злаки могли бы сыграть ключевую роль в восстановлении разрушенной экономики страны – и возможно, эти товары могли бы покрыть часть затрат на новые западные товары, хлынувшие на рынок. К сожалению, подобные возможности были серьезно ограничены такими соглашениями, как Единая аграрная политика, препятствовавшая продаже сельскохозяйственной продукции. По своему дизайну и надежности болгарские потребительские товары по-прежнему оставались социалистическими (то есть безобразно выглядели и не работали), и поэтому западной потребительской продукции они были не конкуренты. Так что проблема оплаты растущего импорта западных товаров никуда не девалась.

В то время как большинство болгар постигло внезапное обрушение уровня жизни, меньшинство пользовалось преимуществами хаоса. К 1992 году Илья Павлов уже стал мультимиллионером, а переводя активы государства в собственный ликвидный капитал при помощи своей «ловушки для пауков», он должен был стать и миллиардером. Вскоре, едва перешагнув порог тридцатилетия, он уже открыл дочернюю компанию в Вене, штат Вирджиния, – неподалеку от Вашингтона, округ Колумбия. С помощью компании Multigroup US он купил два казино в Парагвае.

У себя дома Павлов нанял несколько пиар-компаний, чтобы те окружили его ореолом стремительного успеха и патриотизма: он становился лицом новой Болгарии. Павлов был самым видным предпринимателем в стране, и газеты вместе с телевидением рабски воспевали его достижения. Приглашения на такие общественные мероприятия, как день рождения Павлова (шестого августа), который праздновался в одном из роскошнейших отелей черноморского курорта Варна, стали цениться очень высоко, поскольку давали возможность проникнуть в среду экономической и политической элиты страны. Достаточно было сфотографироваться с Ильей – одного такого снимка хватало, чтобы получить крупную ссуду на необременительных условиях. Нуждавшиеся в деньгах и работе болгары сначала сотнями, потом тысячами, а затем и десятками тысяч стали зависеть от коммерческих операций «Мультигруп» и подобных ей корпораций, распространявшихся по стране. Естественно, методы Павлова многие не одобряли. Многие другие были его завистливыми конкурентами, которые вступали в союзы с ним и против него в полусвете зарождающейся болгарской рыночной экономики, в которой легальный, «серый» и откровенно криминальный сектора обычно было невозможно отличить друг от

друга. В то же время третьи считали Павлова настоящим предпринимателем, энергичным и приятным, радетелем за интересы Болгарии, который создает рабочие места в тех областях, где государство просто исчезло, самым неожиданным и нелепым образом исполнив пророчество Маркса.

Штаб-квартира «Мультигруп», новой корпорации Павлова, располагалась неподалеку от Софии, в бывшем пансионате на горе Быстрица, где некогда отдыхала профсоюзная верхушка. Здание выкупил за гроши британский медиамагнат Роберт Максвелл, который несколько лет «вскармливал» болгарских и советских коммунистических лидеров. Эта связь с Максвеллом показывает, как быстро некоторые западные предприниматели-хищники объединились с протоолигархами из Восточной Европы, чтобы сделать разграбление активов новых демократий международным. Максвелл был в авангарде «отмывания денег» – той криминальной индустрии, которая вырвалась из-под контроля в 90-е годы. Вместе с премьер-министром Лукановым Максвелл организовал переправку 2 млрд долларов в налоговые убежища на Западе, – впоследствии болгарское правительство так и не сумело отследить, куда исчезли эти деньги, хотя мы знаем, что они не закончили свой путь в пенсионном фонде лондонской газеты «Дейли миррор», из которого Максвелл в то время похитил сотни миллионов фунтов стерлингов.

Для большинства болгар начало 90-х оказалось мрачным: страна утратила рынки, Павлов и его друзья лишали экономику всех ее ценностей, а болгарские товары никто не хотел покупать. Более того, теперь, когда Болгария стала молодой демократической страной, Соединенные Штаты и Международный валютный фонд немедленно потребовали, чтобы она приступила к выполнению своих обязательств и начала выплачивать национальный долг в 10 млрд долларов, накопленный расточительным коммунистическим правительством. Что же Болгария могла продать в уплату этого долга и оплату скромного образа жизни для подавляющего большинства ее населения?

Однажды в 1991 году, в солнечный и теплый весенний день, я остановился перед отелем «Эспланада» на Гайевой улице в центре Загреба. Четырехчасовая поездка из Вены была для моей черной «Ауди Кватро» пустяком. Это, вне всякого сомнения, был самый роскошный из всех автомобилей, что я когда-либо водил; «Ауди» была слишком дорогой по стандартам Би-би-си, однако я настоял на полноприводной машине после того, как совершил несколько кошмарных поездок в снежные бури по вечно непредсказуемым восточноевропейским шоссе в эпоху революций 1989 года. Когда я вышел из машины, новый, слегка

нервничающий носильщик попросил у меня ключи, чтобы припарковать машину. В «Эспланаде» это было обыкновенной процедурой, и я отдал ключи.

Здесь появлялись и отсюда уходили люди: посредники наподобие Сайруса Вэнса и лорда Дэвида Оуэна, а также различные министры из балканских стран, Евросоюза и Соединенных Штатов. Обедали они бок о бок с наемниками, живущими тут же в ожидании прибыльной войны. С ними соседствовали молодые хорваты из диаспоры в Эдмонтоне или Кливленде, штат Огайо, готовые отдать жизнь за родину, которую до этого и в глаза не видели.

На следующее утро я отправился на парковку к своей «Ауди». Там ее не было. Я тогда еще не знал, что моя машина отправилась в загадочное путешествие, которое закончилось через несколько недель на рынке подержанных автомобилей в двухстах милях от Мостара, столицы Западной Герцеговины. К тому времени я получил страховку (к счастью, австрийские страховые компании тогда еще не отменили возмещение убытков в Югославии, как уже сделали для Польши, Румынии, Болгарии и Албании) и никогда больше не видел свою любимую «Ауди», которая почти наверняка была заказана одним из вооруженных формирований, плодившихся тогда в Боснии и Герцеговине.

Так я стал жертвой самого быстрорастущего европейского промысла – угона автомашин. Каждый месяц на улицах севера Европы угонялись тысячи машин, которые затем готовили к нелегальному экспорту в Восточную Европу и на Балканы. В 1992 году я наблюдал, как огромный контейнеровоз расставался со своим грузом в дышащем на ладан албанском порту Дуррес. На ржавый пирс, засыпанный битым камнем, выкатывались десятки «БМВ», «Пежо», «Хонд» и, главное, «Мерседесов», «Мерседесов» и снова «Мерседесов», в основном двухсотой серии, которую так любят таксисты в Германии, Бенилюксе и Скандинавии. Таможенные служащие только продирали от сна глаза, когда возбужденные, запыленные и грязные люди принялись завладевать машинами, еще не избавленными от дезодорантов-елочек, семейных фотографий в кабинах и старых сигаретных пачек на сиденьях.

В коммунистической Албании владеть автомобилями разрешено было только государству: дороги строились так, что могли пропускать лишь несколько грузовиков в день, а водить машину не умел никто, кроме горстки государственных шоферов. Но вот в хаосе рушащегося коммунизма открылись шлюзы, и теперь каждый, кто мог завладеть автомобилем (ворованным), разъезжал по общественным шоссе со средиземноморским упоением (несмотря

на то что раньше никогда не сидел за рулем). И тут посыпались увечья! Страна превратилась в огромный смертельный аттракцион-автодром, а уж воры не брезговали никакими машинами (если учесть, что автомобили и так были краденными, найти морально безупречного автовладельца было непросто). Машины, которые в Албании не задерживались, продавались в Македонию, Болгарию, Россию, на Ближний Восток, на Кавказ и в бывшие советские республики Средней Азии.

В то время я не понимал, как много означает кража моей машины. Я не мог разглядеть тот айсберг преступности, который стремительно нарастал под поверхностью этого бушующего моря революций, свободы, национализма и насилия, затопившего Восточную Европу. Многие принялись оживлять старые распри. Другие что было сил старались сохранить привилегии, которыми они пользовались при старой системе – в обществе, где слово «коммунизм» в одночасье стало ругательным. По иронии судьбы, в Болгарии революцию возглавили такие люди, как Луканов, которым не терпелось начать новую карьеру в роли капиталистов. А многие из их сограждан, по понятным причинам, хотели увидеть, как огромный репрессивный аппарат коммунизма будет разрушен. Понятно и то, почему правительства, желавшие популярности, одно за другим тысячами выбрасывали на улицу полицейских. Работу теряли оперативные сотрудники и исполнители всех мастей: агенты тайной полиции, офицеры контрразведки, бойцы частей специального назначения, пограничники, а также сотрудники уголовного розыска и автоинспекции. Эти люди умели вести наружное наблюдение, провозить контрабанду, убивать, создавать агентурные сети и шантажировать. К 1991 году 14 тыс. сотрудников спецслужб обивали пороги и искали работу в стране, масштабы экономики которой сокращались опасными темпами. Однако был один сектор, который расширился беспрецедентным образом, и там имелись «специальности», идеально подходившие безработным и недовольным полицейским. Этим сектором была организованная преступность.

В подобной ситуации оказалась и еще одна группа людей, недавно лишившаяся своих преимуществ, – борцы, боксеры и тяжелоатлеты. Когда одновременно с подувшими ветрами свободы, которые требовали сократить государственную полицию до размеров кадрового костяка, разразился бюджетный кризис, спортивные общества стали по всей стране превращаться в небольшие частные охранные фирмы.

Сеть продавцов угнанных машин первоначально принадлежала борцам. По всей стране эта сплоченная группа единомышленников взяла под свой контроль мотели вдоль крупных магистралей. Полагаясь на отменную мускулатуру и высокое взаимное доверие, они развязали волну насилия с целью запугать и одновременно подчинить себе мелких воров и уличные банды. К 1992 году борцы практически взяли в кольцо все крупные города Болгарии, хотя в некоторых районах они столкнулись с конкурентами – бывшими полицейскими и сотрудниками ДС, которые занимались «крышеванием». Но самые блестящие головы додумались объединить обе «специальности» – спортсмены были мускульной силой, а полицейские создавали сети. Так стали плодиться смешанные организации, которые господствовали в экономике, и появились две группы, безраздельно доминировавшие на рынках, – они были известны под аббревиатурами SIC и VIS.

SIC и VIS надели на себя личину страховых компаний, легальных предприятий, которые выросли из их преступной деятельности по контрабанде машин. Один софийский таксист объяснял: «Я купил свой «Мерседес» в июне 1992 года и, естественно, застраховал его в государственной компании, чтобы уменьшить поборы дорожной полиции. В то время нас останавливали каждые несколько километров, и полицейские просто требовали денег без всякого повода. Но если ты нарушал правила движения, например ездил без страховки, то платить приходилось вдвое больше. Однако очень быстро ко мне подошли несколько крутых парней – ну, вы знаете: короткие стрижки, татуировки, кожаные куртки, – и сказали, что мне придется купить страховку в SIC. Я так и сделал – не хотелось с ними связываться. А некоторые шоферы отказались – и уже через считанные часы у них угнали машины. Обратное они могли получить их, только заплатив за страховку в SIC... с процентами, конечно».

Это было не просто вымогательством. Если вашу машину угоняли, а у вас была страховка SIC, эти громилы перерыли бы все и нашли ее. Они оказывали реальные услуги (хотя не обходилось без угроз) и нисколько не приветствовали более мелких «агентов», которые пытались втиснуться на их территорию.

SIC, VIS и позже TIM превратились в крупные компании, деятельность которых распространялась на самые разные сектора экономики, как легальные, так и нелегальные. «Мы говорим не просто о тех парнях с золотыми цепями на бычьих шеях, которые занимают лучшие места в вашем любимом ресторане, – гневно говорил один европейский дипломат, не сдерживая отвращения. – Они бывали достаточно наглы и уверены в себе, чтобы полностью перекрывать оживленные

улицы в центре Софии только потому, что им хотелось позавтракать в тишине, не нарушаемой уличным шумом!»

Некоторые олигархи (например, «Мультигруп») поручали компаниям SIC и VIS оказание услуг безопасности. Другие предпочитали вербовать собственные отряды костоломов. От этих последних Илья Павлов, проявив осторожность, впоследствии отмежевался. Впрочем, до этого он водил тесную дружбу с некоторыми из самых известных бандитов. В первую очередь он работал с одним из боссов SIC, Младеном Михайловым, по кличке Маджо, – не в последнюю очередь потому, что Маджо начинал свою карьеру его шофером. Было бы несправедливо винить только Илью Павлова за то, что он выбрал такую жизнь, проходившую между вопиющей коррупцией, крупными хищениями и организованной преступностью. Особенно нравственным человеком он не был. Однако он воспользовался представившейся возможностью в то время, когда болгарское государство едва не рухнуло. По всей Восточной Европе люди стали замечать: когда страна входит в штопор, обломки, летящие от процесса перемен, в первую очередь погребают под собой закон. Капитализма здесь не существовало вплоть до 1989 года, так что безнадежно слабые государства, которые возникали по всему Советскому Союзу и Восточной Европе, просто не имели никакой возможности определить, что было «законным», а что – «незаконным». У них не было ни денег, ни опыта, чтобы регулировать коммерческие операции. Те, кто за первые три года после падения коммунизма занял прочные позиции, нередко сами получали возможность диктовать правила игры для своего «дивного нового мира», пока продвигались наверх.

Международная природа торговли угнанными машинами диктовала возникающим болгарским синдикатам необходимость устанавливать связи с такими же группировками в других балканских и восточноевропейских странах. Каждая из этих стран сделала себе репутацию на торговле каким-то определенным товаром. Например, в Югославии это было оружие и сигареты. В Болгарии – машины. На Украине – переправка рабочих-нелегалов и женщин. Наркотики перевозили все.

Особое место в этих новых преступных взаимосвязях играли Венгрия и Чехословакия, благодаря тому, что за последнее десятилетие им удалось установить тесные экономические и коммерческие связи с соседями – Германией и Австрией. Вместе с тем в качестве бывших соцстран они до сих пор поддерживали безвизовый режим с остальной Восточной Европой. Казахи, грузины, болгары, молдаване, югославы и латыши могли временно проживать в

этих странах без всяких хлопот.

Русские, разумеется, тоже.

Особенно оживленный рынок обмена валют возник в Венгрии, которая сразу же стала центром операций по отмыванию денег. Она оказалась настолько привлекательной для транснациональных преступных махинаций, что могущественные мафиозные группировки из России сделали Будапешт своим форпостом в Центральной Европе, откуда стремились расширять свою деятельность на Запад. Йово Николов, главный в Софии эксперт по болгарской организованной преступности, объяснял мне: «Когда пришли русские, они вытеснили из Венгрии и Чехословакии новую болгарскую мафию. Все начиналось с контрабанды автомобилей, но потом эти ребята заметили кое-что еще».

Этим «кое-чем еще» была так называемая «дорога стыда» – шоссе, связывавшее Дрезден и Прагу и проходившее через Северную Богемию, оплот чехословацкой тяжелой промышленности. В обстановке экономического спада и хаоса молодые чешки стали продавать себя за карманные деньги на шоссе E 55. Девушки-подростки, на чью таксу можно было лишь скромно пообедать, удовлетворяли желания нескончаемых колонн потных водителей «БМВ» и грузных водителей-дальнобойщиков, которые курсировали между Богемией и Саксонией.

Журнал «Шпигель» в то время писал: «Со всей Восточной Европы на «богатую границу» стекались люди, молодые проститутки, готовые предложить услуги немолодым немцам». Национальный аспект такого сексуального «натиска на восток» делал эту постыдную торговлю особенно привлекательной для некоторых клиентов, поскольку многие из них были восточными немцами (так что между потными водителями «БМВ» попадались и потные водители «Трабантов»).

Женщины, которые работали на «дороге стыда», в общем и целом попадали туда добровольно: как бы то ни было, идти на панель их вынуждали экономические обстоятельства, однако физического принуждения они не испытывали. Незначительное меньшинство пригоняли туда сводники-одиночки, но большинство работало добровольно, поскольку зарабатывало таким образом себе на хлеб. Немало было среди них молодых цыганок; они становились жертвами предрассудков сразу в двух отношениях – и как цыганки, и как проститутки.

Болгарские бандиты, рыскавшие в окрестностях Праги и в Северной Богемии, заметили, что какое-либо эффективное «регулирование» этой спонтанной торговли телом практически отсутствует. Потенциальный рынок был огромен: было хорошо известно, что тысячи немцев ежегодно ездили в Юго-Восточную Азию и на Карибское море, развлекаясь сексуальным туризмом. Почему бы не воспользоваться существующим спросом и не предложить им красивых молодых женщин за низкую плату сразу же за границей Германии, в несколько более комфортной обстановке, чем придорожные стоянки для отдыха на шоссе E 55? И вот болгарские группировки принялись выкупать, строить или арендовать дешевые мотели на севере Богемии. Чтобы прибыль была максимальной, они брали на работу женщин, которые никак не были связаны с этими местами и потому оказывались поговорчивее. То есть бандиты стремились привозить сюда соотечественниц. Однако, в отличие от чешек, болгарки занимались проституцией не добровольно – они даже понятия не имели, что их ожидает.

Девятнадцатилетняя Станимира проживала вместе с подругой в убогой квартире в Русе, портовом городе на Дунае, на севере Болгарии, и та предложила ей вырваться отсюда: «Она сказала мне, что у нее отличная работа – помощницей в магазине, что я тоже смогу так работать, и получать около 3 тыс. немецких марок в месяц[1 - 3 тыс. марок – в то время около 1500 долларов, сказочная зарплата для безработной болгарки. – Примеч. авт.]. Из Болгарии мы отправились через Венгрию и Словакию в Дуби, в Чехии. Первое, что я заметила в жилом здании, куда мы пришли, – это то, что все окна там были забраны решетками».

Это строение в северочешском городке Дуби принадлежало бывшему болгарскому гангстеру и располагалось прямо у «дороги стыда». Цветомир Белчев, которому едва стукнуло сорок, уже прошел по известному пути: окончил Спортивную академию в болгарском Разграде, после чего зажил жизнью преступника. В девятнадцать лет он был приговорен к двенадцатилетнему заключению за попытку убийства, но едва он освободился, как снова загремел за решетку. «В своей тюремной камере он основал политическую партию «Возрождение», защищавшую права заключенных, – значится в досье, заведенном на Белчева болгарским МВД; это указывает на то, что уголовником он был весьма умным. – Воспользовавшись этим, весь 1990 год он организовывал забастовки, бунты и акции протеста. В следующем году он баллотировался в президенты». Когда политическая карьера Белчева сошла на нет, он перебрался в Чехию, чтобы изучать тамошние деловые перспективы – подальше от назойливого ока болгарской полиции. В Болгарии же вербовкой девушек занималась его мать.

Едва Станимира приехала, ей сообщили, что работать она будет не официанткой, а проституткой. Вначале она наотрез отказалась. «В павильоне напротив отеля «Спорт» Белчев избил меня до синяков, руками и ногами. Он пинал меня своими подбитыми железом ботинками. Потом он вызвал по рации своих дружков, Красси и Черного, и велел им тоже избивать меня. Меня оттащили в подвал, где эти двое продолжили лупить и пинать меня, в основном в живот. Черный одной рукой держал меня за голову, а другой, кулаком, избивал. Когда я потеряла сознание, меня окатили водой, а очнувшись я прикованной наручниками к батарее. Меня мучили ужасные боли. Весь день я провела прикованной. Потом в одной из комнат загородного дома Белчев меня изнасиловал».

Белчев и его присные истязали и насиловали каждую из сорока женщин, спасенных полицией, которая летом 1997 года наконец нагрянула в бордель в Дуби. Во время своего заключения женщины были обязаны зарабатывать не менее 3 тыс. долларов в месяц (естественно, этих денег они и в глаза не видели). Отказ отжаться кому-либо из банды приводил к изнасилованию и избиению. Чешские следователи подозревали, что как минимум одну девушку бандиты убили, и их подозрение подтвердилось, когда через несколько лет после ареста Белчева труп жертвы был найден на участке возле дома. Женщины полностью зависели от своих истязателей: это неизменно были молодые, запуганные девушки, лишённые паспортов, не знавшие местного языка и всегда презираемые за проституцию.

Дело Белчева стоит особняком, потому что его удалось схватить, его рэкет – пресечь, а девушек – освободить (удивительно, но из тюремной камеры Белчев продолжал управлять тремя борделями с помощью мобильного телефона, который ему обманом пронёс адвокат). Во всех же прочих местах, не успела улечься пыль от рухнувшей Берлинской стены, а бандиты и проходимцы уже принялись налаживать громадную сеть по нелегальной переправке женщин, которая дотягивалась до каждого уголка Европы. Банды из Болгарии быстро стали играть в этой индустрии ключевую роль в силу стратегического положения этой страны. Каждый участок болгарской границы сулил соблазнительные торговые перспективы. Греция, лежащая южнее, является кратчайшим путем в Евросоюз – едва женщины пересекут эту границу, их можно переправлять в любую страну объединенной Европы (кроме Великобритании и Ирландии) без единой полицейской проверки. На юго-востоке лежал путь в Турцию – маршрут, который предназначался для стремительно растущей продажи женщин на Ближний Восток, в особенности в Объединенные Арабские

Эмираты. Путь на запад вел к переправщикам из Македонии и Албании (а позже и из Косово), где спрос на женщин рос в геометрической прогрессии с тех пор, как в 1994 году там был размещен миротворческий контингент ООН (львиная доля балканского трафика женщин обслуживает миротворцев и гражданских служащих ООН). Двигаясь на север, банды могли переправлять женщин в Чехию и Германию, откуда можно было вернуться на угнанной машине.

Трафик женщин и контрабанда машин в определенной степени перекрывались. Эти промыслы явно использовали одни и те же маршруты и статьи расходов, однако с некоторых пор полиция стала определять их как самостоятельные предприятия. Как правило, переправка женщин осуществляется небольшими самостоятельными группами, которые возят свой «товар» из одного региона в другой и сами не знают, где именно отыщется покупатель. Угон машин, поставленный на широкую ногу, – дело другое, требующее управления более крупными и хорошо организованными синдикатами. Продается ли и распространяется товар крупными или мелкими синдикатами – это обычно зависит от характера товара, географии его происхождения и места назначения, несмотря на то что продажи большинства подобных товаров и услуг совпадают друг с другом (в особенности в отношении торговых путей).

Трафик женщин привлекателен для преступников тем, что обеспечивает хорошую возможность для старта. Женщины могут легально пересекать границы и не привлекают внимания специальных розыскных собак. Первоначальные расходы на этот бизнес – лишь малая толика от того, что требуется для участия в похищении машин. Накладные расходы здесь минимальны, а поскольку этот «товар» – похищенные женщины – производит услуги, его можно использовать снова и снова. Всего одна женщина может приносить переправщику от 5 до 10 тыс. долларов в месяц. Эти подсчеты не затрагивают такой ужасающей реальности, как многократные изнасилования и неправдоподобная эксплуатация. Однако ни поставщик (бандит), ни потребитель (состоятельный западноевропеец) не видят в таком отношении ничего, кроме экономических факторов. Первый живет в среде, в которой почти нет места управлению и полицейскому надзору: если он не продаст эту женщину, за него это сделает кто-то еще. Второй же, по всей видимости, оставляет свою совесть в прихожей, вместе с пальто и шляпой.

По всей Восточной Европе переход к капитализму давался полицейским исключительно тяжело. Многие презирали их за то, что раньше, при коммунизме, они участвовали в репрессиях против инакомыслящих. А в новых

демократиях повседневные тяготы полицейских являли собой контраст с тем разгульным образом жизни, которым наслаждались некоторые из их бывших коллег, участвовавших в сколачивании новых преступных империй. При новых рыночных условиях зарплаты полицейских были смехотворными: когда в годы после падения коммунизма я ездил по Болгарии, Югославии и Румынии, то всякий раз вынужден был платить не меньше 50 долларов неофициальных штрафов, налагавшихся на меня бедствующими дорожными полицейскими. Власть закона, которая так необходима для этих истерзанных обществ, была в них фикцией.

А потом – и не в последний раз – Запад сделал одну крупную, ужасную глупость. Тридцатого мая 1992 года Совет Безопасности ООН принял в Нью-Йорке Резолюцию № 757, налагавшую экономические санкции на Сербию и Черногорию. Раздираемые войнами, разоренные и истерзанные Балканы вот-вот должны были превратиться в фабрику криминала и контрабанды, едва ли вообще имевшую параллели в истории. Пока весь мир заламывал руки и стенал об ужасном националистическом натиске югославских народов и их правительств, балканские мафии стали забывать о своих этнических различиях и сливаться в неимоверном преступном сговоре. Сговору этому, в свою очередь, предстояло распространяться по всему земному шару, объединяя самые влиятельные мафии – в частности мафии Колумбии, России и Золотого Треугольника[2 - Золотой Треугольник – гористый район в Юго-Восточной Азии на территории Бирмы, Лаоса, Вьетнама и Таиланда, с 1950-х годов – центр массового производства опиума. – Примеч. перев.]. И чтобы хотя бы отчасти осознать, что происходит, «международному сообществу» потребовались годы.

Глава вторая

Кровавая нажива

«Пять минут, Дик, – отрезал Сэнди Бергер, советник Билла Клинтона по национальной безопасности. – У него будет пять минут с президентом, и не больше». Дик Склар был разочарован. Он считал, что президент Черногории Мило Джуканович заслуживал более продолжительной встречи со своим американским коллегой. Однако Бергер был тверд.

За плечами Склара было несколько лет малозаметной работы в качестве неумолимого посредника Клинтона. Он знал позицию президента по Балканам, однако столь краткая встреча, уготованная молодому Джукановичу, удивила его. Всем представлялось, что президент Черногории представлял неизвестное горное мини-государство, над которым традиционно подтрунивала литература – от Джона Бьюкена до Агаты Кристи. Однако, как указывал Склар, «Джуканович оказался самым смелым нашим сторонником во время косовской кампании». И именно благодаря победе в этой войне Клинтон и его команда пребывали в таком приподнятом настроении, когда в середине июля 1999 года они прибыли в Словению – альпийское государство, расположенное между Балканами и Центральной Европой.

Несколькими неделями раньше югославская армия запросила перемирия, к явному облегчению Клинтона и его ближайших советников. Это была трудная война – она оказалась вовсе не тем недельным броском, который перед началом боевых действий пророчили высокопоставленные чиновники из администрации. Теперь президент путешествовал по Европе, выражая благодарность восемнадцати союзникам Америки по НАТО и прочим своим сторонникам за то, что они остались с ней.

В неблагополучной федеративной семье под названием «Югославия» Черногория доводилась младшей сестрой капризной и агрессивной Сербии. Однако несмотря на то, что во время войны в Косово аэропорты, морские порты и границы Черногории контролировала югославская армия, высокий и гибкий баскетболист-любитель, ставший президентом Черногории, был как заноза для сербского диктатора Слободана Милошевича. Джуканович не только поддерживал политику Запада (несмотря на то что с 1992 года Черногория страдала от жестких экономических санкций ООН), но и обеспечил надежное укрытие противникам Милошевича, сделав так, что инакомыслие в Сербии не было задушено.

Милошевич задира и пугал Джукановича, но черногорец настоял на своем, а это требовало отваги.

Джуканович вел себя на редкость осторожно. В ходе кампании НАТО разбомбило десятки объектов на территории Черногории, однако он поддерживал эти удары иностранного агрессора по своей республике.

Дик Склар считал, что такой риск, который Джуканович взвалил на себя ради Запада, заслуживал чего-то большего, чем пятиминутный обмен пустыми словами в отеле с чудесным названием «Слон» в словенской столице Любляне. Однако едва президенты сели беседовать, Склар успокоился: Клинтон немедленно проникся симпатией к Джукановичу, и они, позабыв о протоколе, больше часа беседовали обо всем подряд: о Милошевиче, о войне, о Косово и о будущем Балкан. Потом Джуканович выразит свое удовлетворение тем, что Клинтон знаком с историей Черногории: как всегда, президент США выполнил свое домашнее задание. Однако затронули они и еще один вопрос, который заставил Джукановича проявить несвойственное ему смущение: вопрос о сигаретах. Могло показаться странным, что Клинтон, который не курил, поднял этот вопрос. Но тогда он уже знал, что любовь к сигаретам была главным пороком Джукановича, и он считал, что обязан предупредить своего черногорского коллегу насчет «вреда для здоровья».

Почти все 90-е годы страна Джукановича Черногория, с населением всего в 500 тыс. человек (у остальных балканских народов лень черногорцев вошла в поговорку), стала центром многомиллиардного преступного промысла, который приносил доходы всюду – в Америке, на всем Ближнем Востоке, в Средней Азии, в странах Магриба и в Западной Европе.

Неделя за неделей в два главных аэропорта страны партиями прибывало по несколько тонн нелегальных сигарет, которые сразу же переправлялись в порт Бар. Я вспоминаю, как весной 1996 года ехал по пустым черногорским дорогам, с удовольствием предвкушая вид, который порадует меня, едва я выберусь на побережье Адриатики, сразу же к северу от озера Шкодер. Живописную горную дорогу ограждали отвесные стены ярко-желтых утесов в добрые несколько десятков метров высотой. Морская вода в этой части Адриатики прозрачная и ярко-голубая, свободная от той зеленовато-черной грязи, которые изрыгают вдоль северо-западного побережья промышленные левиафаны Италии. Но взглянув ради такого вида вниз, на порт Бар, я заметил также, что в гавани толкуются сотни крохотных скоростных моторных лодок. Все они загружались контрабандными сигаретами и стремительно уходили в море, совершая свой двухсоткилометровый рывок к проливу Отранто и в порт-партнер Бари, где итальянская мафия уже готовилась их разгрузить.

Каждый блок сигарет облагался налогом, который Мило Джуканович именовал «транзитным». Милошевич урезал потоки федеральных средств, поступавших в Черногорию, едва ли не до нуля, и поэтому, утверждал Джуканович,

«транзитный налог» был единственным способом удерживать государство на плаву и избегать давления сербов.

Любой житель Балкан знает, что его регион является центром незаконной торговли сигаретами. Вскоре после того, как в 1991 году в бывшей Югославии разразилась война, по ресторанам Загреба, Белграда и Сараева шастали мальчишки от шести лет и старше, и на шее у них висели деревянные подносы, где были аккуратно уложены западные сигареты высшего качества. На тротуарах через каждые двадцать пять метров стояли старики, чьи изборожденные морщинами лица выдавали страсть к курению длиною в жизнь, и предлагали «Уинстон» и «Мальборо» в блоках по десять пачек. В Лондоне блок стоил бы 75 долларов, в Нью-Йорке, возможно, 40 долларов. Но на Балканах такой блок уходил всего за десять баксов. Такая ценовая разница делала курение абсолютно доступной вредной привычкой даже в суровое военное время. На Балканах курило более половины населения: это был богатый рынок.

У меня был постоянный поставщик по имени Мико, пухлощекий белградский парень с копной каштановых волос. (Пусть уважаемые читатели знают, что с тех пор я избавился от табачной зависимости.) Было важно установить с вашим поставщиком сигарет доверительные отношения, поскольку существовало две разновидности нелегальных сигарет, которые непосвященный не отличил бы друг от друга, – и тем не менее различались они сильно. Первая разновидность изготавливалась из низкосортного местного табака и затем паковалась под видом западного продукта. На вид это был фирменный товар, однако вкус у него был такой, будто сигареты набивали опилками пополам с козьими катышками.

Сигареты второго вида были высококачественной продукцией западных табачных компаний, нерастаможенной и предназначавшейся для экспорта. Их покупали непосредственно на фабриках в Америке, Европе и Японии, а затем отправляли в Европу через одну из двух зон свободной торговли в Европе – голландский Роттердам или швейцарский кантон Цуг. Там их продавали в третьи страны, где уровень коррупции был повыше – возможно, в Египет, а возможно, в Узбекистан. Чиновники и преступные синдикаты облагали сигареты налогами на каждом этапе их путешествия, и те, что предназначались для рынков Евросоюза, делали последнюю остановку в Черногории, прежде чем попасть в страны ЕС на моторных лодках. Но и при том, что каждый отрезал себе кусок от сигаретных прибылей (таможенники в Египте, начальники портов в Румынии и так далее), сигареты тем не менее были на 50 % дешевле, когда поступали на черный рынок в Италии или Великобритании, потому что акцизы на табак в этих

странах очень высоки.

В октябре 2002 года, после восьми лет расследований, прокуроры наконец-то подготовили судебные иски, обвиняя две американские компании – «Р. Дж. Рейнольдс» и «Филип Моррис» – в содействии контрабанде сигарет. Производителям были предъявлены самые разнообразные обвинения, в том числе и такое: балканская сигаретная торговля связана с отмыванием денег колумбийской наркоторговли. Юристы представили подробный отчет о том, как президент Джуканович и его сотоварищи выручили от контрабанды сигарет сотни миллионов долларов. Две черногорские компании – обе под контролем Джукановича – и черногорские спецслужбы взимали по 30 долларов с каждого блока сигарет, проходившего транзитом. «Эти деньги делили между собой всевозможные черногорские чиновники, вовлеченные в этот бизнес и распорядившиеся выдачей лицензий на транзит сигарет через Черногорию», – гласили судебные документы Евросоюза. Вторая из этих компаний, с обезоруживающе честным названием «Черногорский табачный транзит» – Montenegrin Tabak Transit (или МТТ), принадлежала неким итальянцам, подозреваемым в связях с мафией. «МТТ была основана некими членами организованного преступного сообщества при участии черногорских государственных чиновников. Компания получила официальное разрешение от Черногорского управления иностранных инвестиций и действовала под особой защитой Мило Джукановича», – утверждают документы Евросоюза.

Уже в 1994 году Евросоюзу было известно, что сигаретная мафия, с которой Джуканович вел дела, стоила Европе 6–8 млрд долларов в год – и это одни только неполученные акцизы (главным образом в Италии и Великобритании). Итальянские прокуроры никак не могли призвать Джукановича к ответу за контрабанду и связи с мафией. Одновременно из США в Рим приходили секретные послания, которые требовали, чтобы итальянцы оставили Джукановича в покое. Черногорский президент был нужен Вашингтону в его войне с Милошевичем.

Джуканович утверждает, что ежегодная прибыль от табачной торговли составляла 30 млн долларов и что благодаря ей он мог компенсировать большинство текущих расходов государства. В 1998 году, когда итальянцы уже готовились призвать Джукановича к ответу, в Рим был направлен Дик Склар, которому предстояло вести переговоры от имени балканского союзника Запада. Склар задал более чем логичный вопрос: «Почему бы вам просто не заплатить ему 30 миллионов, и тогда он свернет торговлю?» Итальянцы отказались (это

было довольно нелогично), однако к тому моменту, когда летом 1999 года Клинтон встречался с Джукановичем, война в Косово была выиграна и черногорский президент уже не был так ценен в качестве союзника. Теперь Вашингтон внушал Джукановичу: если он хочет более тесных отношений с НАТО и Евросоюзом, самое время выйти из этого сигаретного бизнеса. «После встречи Мило с Клинтоном я сказал ему, что теперь он надел чистую, накрахмаленную сорочку и ему не следует испачкать ее этой скверной компанией, которой он управляет», – пояснял Дик Склар. В октябре 2001 года британская разведка наконец-то сообщила, что Черногория приструнила торговцев на моторных лодках. Джуканович внял совету, который ему дали, и начал действовать.

В 1980—1990-х годах между Западной и Восточной Европой возникла огромная разница в благосостоянии. Никогда еще такое большое количество западноевропейцев (около 75 %) не жило не просто выше уровня бедности, но и в окружении стабильного комфорта. Во второй половине 90-х годов часто обсуждался следующий вопрос: должны ли богатые западноевропейские страны поддерживать свои дорогостоящие системы социального обеспечения перед лицом стремительного старения населения и роковой нелюбви к иммиграции рабочей силы в Евросоюз? Эта проблема стала еще более острой, когда динамичные молодые экономики Восточной Европы заявили о себе, а поляки, чехи и венгры доказали, что могут работать дольше и дешевле, поскольку стремятся наверстать полстолетия потребительской скудости коммунизма. Темпы роста восточноевропейской экономики стремительно увеличились сразу после падения Берлинской стены. Германия занялась перераспределением своей промышленной базы, перенося ее в Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию, тогда как программа вступления в Евросоюз означала, что в Восточную Европу направлялись огромные суммы денег – на региональное развитие, борьбу с нищетой и становление демократических институтов. Рядовые граждане там еще досадовали на экономические трудности жизни при капитализме, однако после первоначального спада стандарты жизни стали подрастать.

Однако благодаря войне, санкциям и плохо продуманным планам восстановления и развития народы Балкан испытали на себе тяжелый, изнуряющий обвал доходов и уровня жизни. В культурном отношении они не только считали себя европейцами, но и жили в окружении европейцев. Они смотрели европейское телевидение и кино, слушали европейскую музыку и прекрасно знали, насколько богаты их соседи. Более того, в тех редких случаях, когда им предоставляли возможность переезжать к своим западным соседям, они нередко сталкивались с унижениями со стороны иммиграционных властей. И, наконец, им приходилось иметь дело с уничижительными стереотипами

о Балканах, в которых они представляли прирожденными убийцами, чье счастье в том, чтобы резать друг другу глотки. Расположите эти жалкие пустоши с их безработицей, застоем и насилием рядом с богатством и изобилием плодородного рая, – стоит ли удивляться тому, как сильно там стремление влиться в организованную преступность?

Участие Джукановича в преступных деяниях было не исключением, а правилом. В бывшей Югославии, скатившейся в начале 90-х к ужаснейшей братоубийственной войне, политика и организованная преступность переплетались теснее и активнее, чем в любой бывшей социалистической стране. Сербские, боснийские, албанские, македонские и хорватские воротилы бизнеса и бандиты были закадычными друзьями. Они покупали, продавали и обменивали все подряд, зная, что высокий уровень их взаимного личного доверия гораздо крепче преходящих уз истеричного национализма. Его они насаждали среди обычных людей, чтобы замаскировать свою продажность. По словам одного обозревателя, каждой из этих новых республик правил «картель, возникший из правящих коммунистических партий, полиции, военных и мафии, с президентом республики в центре этой паутины... Мелкий национализм был незаменим для картеля в качестве средства умиротворения подданных и для прикрытия непрекращающегося присвоения имущества государственным аппаратом».

В результате войн, санкций и коррупции на Балканах первой половины 90-х государства бывшей Югославии обратились к мафиям и принялись выныривать их, чтобы те наладили им снабжение военных действий, – а очень скоро преступники контролировали и экономику, и правительства, и саму войну. Любой, кто демонстрировал сколько-нибудь серьезные политические амбиции, не имел иного выбора, кроме как присоединиться к ним.

В феврале 1991 года, когда еще не был изобретен термин «этнические чистки» и до того, как весь мир узнал про Косово, я сидел со своими друзьями в изящном барочном центре Загреба, хорватской столицы. На их лицах было написано беспокойство: распространялись достоверные слухи о том, что югославские военные вот-вот осуществят переворот, чтобы не дать Хорватии объявить о независимости. Когда же в Белграде, югославской столице, власти объявили о том, что вечером обычное телевещание прерывается на два часа, это беспокойство превратилось в страх. В это время главный государственный канал должен был показывать фильм о предполагаемом крупном криминальном заговоре в стране. Вместе с перепуганными и разделившимися народами

Югославии я смотрел, как черно-белая съемка скрытой камерой показывает троих мужчин, которые еле слышно перебрасываются фразами через деревянный стол в скромной кухне. Югославская военная контрразведка КОС («Контрао-бавештайна служба» – Контрразведывательная служба), которая и сделала этот фильм, любезно снабдила его субтитрами. Приземистая фигура главного героя фильма узнавалась безошибочно. Это был новый министр обороны нарождавшегося хорватского государства и близкий соратник хорватского президента, националиста Франьо Туджмана.

Человек, который продавал хорватам огромную партию нелегального оружия, был отнюдь не венгерским торговцем оружием, как он отрекомендовался, а сербом и агентом КОС. Кроме того, он был одним из основателей «Мультигруп», болгарской суперкомпании Ильи Павлова. В Восточной Европе КОС не было равных, и тот факт, что уже в начале 90-х годов она проникла в новые криминализованные структуры такой соседней страны, как Болгария, был внушительной демонстрацией ее сильных и длинных рук.

Фильм имел целью доказать, что президент Туджман планировал вооруженное восстание. Ведя войны за независимость от Югославии, хорваты и боснийцы столкнулись с одной огромной проблемой: Югославия могла похвастать своей Народной Армией (где доминировали сербы), четвертой по силе в мире, обладавшей внушительным, хотя и несколько устаревшим, арсеналом. Подавляющее большинство офицеров – хорватов и боснийцев перешло из Народной Армии Югославии к своим национальным правительствам, чтобы сражаться за независимость. Впрочем, эти нарождающиеся армии отчаянно нуждались в оружии. Потребность в нем стала еще острее, когда через три месяца после начала в июне 1991 года боевых действий ООН ввела эмбарго на поставку оружия в югославские республики. Чтобы получить шанс на победу в войне, сначала Хорватия, а годом спустя и Босния вынуждены были искать пути импорта оружия в обход международных запретов.

Хорватская диаспора в Новом Свете никогда не занимала такого видного положения, как диаспоры ее средиземноморских соседей, итальянцев, греков или даже албанцев, однако эти ярые патриоты умеют действовать тихо, но эффективно (в особенности хорваты из Центральной Канады, американского штата Огайо, Австралии и в первую очередь из Южной Америки).

Южноамериканское хорватское сообщество считается самой активной националистической силой – в конце Второй мировой войны сюда бежали многие хорватские фашисты. Сразу же после того, как ООН в 1991 году ввела эмбарго,

президент Аргентины Карлос Менем подписал секретный указ, разрешавший продажу Панаме 6500 тонн вооружений. В действительности этот груз был перенаправлен в Хорватию, на судах государственной компании Croatia Line. За этим указом Менема последовал второй – тайно уполномочивший продать Боливии вооружений на 51 млн долларов. Официальное расследование, которое позже провели в Аргентине, обнаружило в нем скрытое условие, по которому Хорватии было перенаправлено 8 тыс. автоматов, 18 155-мм орудий, 2 тыс. автоматических пистолетов, 211 тыс. ручных гранат, 3 тыс. ракет «Памперо», 30 тыс. гранат к подствольным гранатометам, 3 тыс. мин, 60 минометов и несколько миллионов единиц боеприпасов.

А когда через год правительство Боснии и Герцеговины, по преимуществу мусульманское, обнаружило, что страна зажата между двумя армиями – христианских Сербии и Хорватии, – оно призвало мусульманские страны нарушить эмбарго ООН и наладить поставки в страну оружия для защиты. Между 1992 и 1995 годами Саудовская Аравия, Иран, Турция, Бруней, Пакистан, Судан и Малайзия перевели около 350 млн долларов на банковский счет мусульманской благотворительной организации в Вене – Агентству помощи странам третьего мира (Third World Relief Agency), и эти деньги были затем использованы для закупки оружия.

Эмбарго на поставки оружия сыграли ключевую роль в налаживании каналов его контрабанды в Хорватию и Боснию, и вскоре по тем же каналам вслед за оружием потекли и наркотики.

Однако эти санкции – ничто по сравнению с всеобъемлющими экономическими санкциями ООН в отношении остатков Югославии, в том числе Сербии (включая беспокойную провинцию Косово с немалым количеством албанцев) и Черногории.

Санкции ООН наложила в июле 1992 года, поскольку Сербия, в нарушение предшествующих резолюций Совета Безопасности, поддерживала формирования боснийских сербов.

В отличие от Хорватии и Боснии, Сербия и ее союзники в Боснии недостатка в вооружениях не испытывали. Но когда были введены санкции, у Белграда возникла необходимость обеспечить себя запасами нефти и найти экспортные товары, чтобы продолжать военную кампанию. И точно так же, как Сербия позволяла провозить через свою территорию оружие из Болгарии и Румынии для

своих врагов в Хорватии и Боснии, боснийцы, хорваты и албанцы были более чем счастливы продавать нефть своим врагам – сербам, поскольку из-за режима санкций это сулило сказочные прибыли. Вырученные деньги делились затем между государством, закупавшим на них еще больше оружия, и мафией с ее глубокими карманами.

Сидя в полумраке кафе, я слушаю рассказ человека, который был деловым партнером Владимира «Вани» Бокана, в 1985 году (в тридцатилетнем возрасте) открывшего первый в Белграде частный бутик одежды «Ганнибал». Мой собеседник предостерег меня: если я раскрою, кто он, его быстро убьют. «И может быть, вас убьют тоже», – добавил аноним. Однако после этого мрачного вступления теплоты в его рассказе стало побольше. «На первых порах мы ездили в Италию и покупали оптом одежду от дизайнеров, которую и продавали в «Ганнибале». Но потом Ваня придумал идею получше – «маскировку», как мы это называли, – пояснил мой собеседник. – Он заказывал одежду в Румынии – вот и маскировка! Вещи были отличные – вы ни за что не отличили бы их от итальянского оригинала, – и он продавал их за оригиналы в магазине, с громадной наценкой. Раньше, чтобы достать такой товар, людям приходилось совершать дорогостоящие поездки в Италию».

Бокан был неутомим, энергичен и интеллигентен. Его мать была педиатром, а отец когда-то работал инженером-консультантом на ООН, так что Ваня рос в таких экзотических местах, как Индонезия и Южная Америка. У него были способности к языкам, и он говорил, помимо сербохорватского, на греческом, итальянском и английском. Бокан бурлил от идей и был прирожденным предпринимателем. Когда он открыл свои бутики в Белграде и Нови Саде, а затем – цеха по всем Балканам, то оказался образцовым капиталистом, не упускавшим возможности, которые появлялись благодаря краху коммунизма и встраиванию в Запад. Еще до того, как в начале 90-х разразилась война, он сумел диверсифицировать свою компанию, импортируя в Югославию и экспортируя из нее самые разнообразные товары. Его бизнес был полностью законным, – он создавал экономические связи между бывшей соцстраной и Европейским союзом и создавал одновременно прибыль для государства и рабочие места.

Однако в 1992 году вмешались война с Боснией и санкции ООН, изменившие ту среду, в которой действовал Бокан. Голосование за эмбарго против Югославии немедленно сделало всю торговлю Бокана незаконной в глазах международного

права, поскольку Сербия была сердцем его торговой империи.

На Евросоюзе и Америке санкции сказались лишь незначительно. Большинство западных компаний могли позволить себе прекратить торговлю с Белградом, особенно когда их правительства грозили суровыми мерами тем, кто нарушит санкции. Сербия находится на пересечении всех торговых путей Балкан: ее дороги и рынки важны для ее соседей почти так же, как для нее самой. Разумеется, ООН издала предупреждения соседним странам, согласно которым те должны были разорвать все связи с Сербией и Черногорией. Для балканских стран эти санкции были катастрофой.

Такие бизнесмены, как Илья Павлов, чувствовали себя не особенно ущемленными, даже несмотря на то, что болгарское правительство больше ничем не могло торговать с Сербией. Югославская военная контрразведка КОС, воспользовавшись своим влиянием в «Мультигруп», навела Павлова на мысль одолжить у правительства железнодорожные составы, чтобы отправлять в Сербию миллионы литров бензина по железной дороге. Составы сопровождали члены группы SIC, одной из двух крупнейших рэкетирских группировок Болгарии, и поезда успешно проходили мимо таможенных служащих, чьи скромные зарплаты означали, что их верность можно купить. Билл Монтгомери, который был тогда послом США в Софии, вспоминает, что болгарское правительство в действительности с самого начала активно участвовало в этом: «Один сотрудник посольства, по случайному стечению обстоятельств, пересекал ночью западную границу страны, когда заметил, что вокруг полно полиции с включенными фонарями. Он подъехал поближе и посмотрел, что там происходит. Мимо него проползло около ста нефтяных цистерн – он их сосчитал, – которые болгарские полицейские сопровождали через границу».

Через Сербию проходил основной путь, связывавший Болгарию с остальной Европой. Совет Безопасности ООН, вводя санкции против Багдада, уже предложил Болгарии «сделать ручкой» тому миллиарду долларов, который она ссудила Ираку Саддама Хусейна. Теперь же ООН велела Болгарии не направлять грузовики через Сербию. Это оказалось тяжелейшим ударом, поскольку под угрозой оказались самые важные статьи экспорта в Западную Европу. «ВВП Болгарии составляет 10 миллиардов долларов, а они только на фруктах и овощах теряли миллиард, – поясняет Билл Монтгомери. – Я предлагал разрешить болгарам еженедельно отправлять караван через Сербию, который возглавляли и замыкали бы машины ООН. Он бы не останавливался, а проходил через страну насквозь. ООН согласилась на это, европейцы согласились на это, а Леон Ферт,

советник вице-президента Элла Гора, оказался против и заблокировал предложение. На него не удалось повлиять, и это было очень досадно». Досадно и, кроме того, очень обнадеживающе для организованной преступности, которая процветала благодаря экономическим бедствиям, вызванным близорукой политикой.

Соседям Югославии не было предложено ни гроша помощи или компенсаций – то есть издержки оскорбленных нравственных чувств международного сообщества они должны были взвалить на свои плечи. Поэтому у них оставался единственный способ выплачивать пенсии, зарплаты и медицинские страховки: передать в руки мафии главные торговые пути и изображать неведение, бессилие или все сразу. По мере того как развивался кризис, развивался и этот губительный симбиоз политики и преступности.

В самой же Сербии Ваня Бокан, занимавшийся продажей одежды, быстро наладил поставки в Югославию нефти и металлов. Во всем регионе преступники и бизнесмены не покладая рук плели густую сеть дружеских и деловых связей, чтобы сорвать эмбарго. Голосование в Совете Безопасности ООН практически в одночасье породило панбалканскую мафию, обладающую исключительной мощностью, сферой влияния, изобретательностью и коррупционным потенциалом.

Кое-кто в администрации президента США предостерегал Клинтона о том, что все это будет иметь серьезные последствия. Как сообщил мне один высокопоставленный чиновник из Казначейства США, «мы дали ясно понять коллегам из Белого дома, что санкциями Сербию не сломить. Сербь были самодостаточны в отношении продовольствия, а учитывая, что их страна занимает в региональной экономике центральное место, соседи были обречены продолжать с ней торговлю». Это предупреждение о губительных последствиях санкций, равно как и многие другие, было проигнорировано.

Вскоре примеру Вани Бокана стали следовать все, продавая в Сербию любую нефть, до которой только могли добраться. Румыны гнали в страну баржи, едва не тонувшие под грузом невероятно низкокачественной румынской нефти. Доклад американской разведки гласил: «Албания импортировала нефть по нефтепроводу на северной границе с помощью лодок на озере Шкодер, с помощью автоколонн с залитыми запасными баками, с помощью ослов, перевозивших бочки с нефтью через гористую местность... Подсчитано, что в 1993–1994 годах совокупный поток нефти приносил Албании свыше одного миллиона долларов в день». Несмотря на то что Албания осуждала Сербию

особенно яростно, именно она сыграла главную роль в снабжении Белграда нефтью. Доклад далее гласил: «Были использованы баржи для транспортировки нефти с Украины. Объемы поставок по реке Дунай привлекли внимание сербских пиратов, которые курсировали по Дунаю и искали, где можно угнать судно с топливом... Нефтепродукты из Румынии поступали по автодорогам, на судах и через подземный нефтепровод от румынского нефтезавода в Тимишоаре. Автомобили переоборудовались таким образом, чтобы перевозить по 500 галлонов (1900 литров) топлива».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

3 тыс. марок – в то время около 1500 долларов, сказочная зарплата для безработной болгарки. – Примеч. авт.

2

Золотой Треугольник – гористый район в Юго-Восточной Азии на территории Бирмы, Лаоса, Вьетнама и Таиланда, с 1950-х годов – центр массового производства опиума. – Примеч. перев.

Купити: https://tellnovel.com/glenni_misha/makmafiya-ser-ezno-organizovannaya-prestupnost

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)